

Лев Абрамов

*Сонетные
тетради*

«Sholumi»

Центр сохранения и развития национальных традиций, самобытности языка,
культурного и исторического наследия горских евреев

Israel, 2015

СТМЭГИ

*Выражаю искреннюю благодарность
президенту Международного Фонда «СТМЭГИ»
Герману Рашбиловичу Захарьяеву
за содействие в издании этого сборника.*

*Шауль Симан–Тов,
руководитель Центра «Sholumi»*

Сонетные тетради / Лев Абрамов – . «Sholumi», Israel, 2015 – 50 стр.

В новом поэтическом сборнике Льва Абрамова собран плод его много-летнего труда – произведения твёрдых форм – классические сонеты, сонеты в современной интерпретации, акростихи и даже сонетные диалоги. Нет сомнений, что истинные любители и знатоки поэзии оценят этот сборник по достоинству.

© Lev Abramov, 2015, Israel

© «Sholumi», 2015, Israel

И зазвучит музыка!

Не хочу разбираться в художественной ценности этих стихов, не хочу даже думать о том, внёс ли автор какой-то вклад в развитие жанра и т.д., и т.п. Когда я читаю произведения Льва Абрамова, то напрочь забываю о том, что, по большому счёту, вычитка чужих рукописей – моя профессия.

Со стихами этого автора всё происходит совершенно непрофессионально. Я не могу их вычитывать – просто читаю и только потом ловлю себя на том, что не обратила внимания на «точки-запятые». Приходится возвращаться к первой странице и теперь уже вычитывать... А так не хочется.

В стихах Льва Абрамова так много души, сердца, искренности, что их невозможно препарировать. Здесь прочувствована каждая строчка, каждое слово. И даже если профессиональному глазу кажется, что в данной ситуации что-то следует изменить, моя читательская душа возражает: «Не лезь со своим скальпелем, ремесленница!».

Я прочла практически всё, написанное этим поэтом. Вам это только предстоит сделать. Завидую. Вам предстоит окунуться в интересный, чувственный мир творчества, а, кроме того, получить настоящее интеллектуальное наслаждение.

Отвлечитесь от повседневности, постарайтесь хотя бы на час отбросить думы о бытовом и суетном, вчитайтесь в эти строки... И зазвучит музыка! Прекрасная и только ваша музыка – музыка вашего сердца.

Маргарита Козакова, редактор

И на просторах интернета,
Сплетаюсь с шумом наших дней,
Живёт возвышенность сонета,
Как бриз в дыхании морей.

Дорогие читатели!

Перед вами сборник стихов – плод моих поисков в области “твёрдых форм”.

Сонеты: классические итальянские и английские, ЯС (японский сонет) – относительно новая форма, акростихи.

Сонет – одна из самых старых поэтических форм, переживших время. Данте, Петрарка, Шекспир... Многие русские поэты отдали дань сонету – Пушкин, Анненский, Бальмонт. Он и сейчас очень популярен, ибо, несмотря на жёсткость построения, даёт большую свободу в выражении своих чувств: лирика, философия и даже юмор.

Кстати, одним из основоположников итальянского сонета, расцветшего в творчестве неповторимого Петрарки, был Имануэль Римский, введший эту форму в иврит и, по слухам, бывший знакомым с Данте. Таким образом, впервые итальянский сонет зазвучал не на итальянском языке, а на иврите.

В этой книге также представлен венок сонетов “Концерт для души с оркестром”. Душа, воплощённая в музыке, проходит свой путь от рождения до смерти. Но всё это в жёстких рамках венка сонетов (последняя строчка сонета является первой строчкой следующего, первая строчка первого сонета – это последняя строчка заключительного сонета, плюс магистрал, объединяющий первые строчки всех четырнадцати сонетов). Чем не суровые ограничения, что ставит нам жизнь?

Как и во многих других моих стихах, часто главным героем моих сонетов является музыка. Наверное, это карма. Это – неизбежность. Хотя бы опосредованно, но она присутствует почти всегда.

Неожиданностью для меня стали сонетные диалоги. Это говорит о том, что сонет, несмотря на твёрдость, очень пластичен как инструмент выражения мыслей и чувств. Четырнадцать строк, определённое количество слогов, а в результате – ощущение литой поэтической статуэтки (это в идеале, конечно). Надо сказать, что я часто нарушаю правила построения сонета. Не грубо, но поиск присутствует.

Я очень надеюсь, что вам понравятся мои сонеты, ибо для меня они очень дороги.

До новых встреч, друзья.
Лев Абрамов

Тетрадь первая

*Сборник
сонетов*

* * *

Записано в небесной Книге Судеб:
Система жизни круг определяет.
И таинства природа открывает
Тому, чей путь к непознанному труден.

Сомненье – квинтэссенция успеха.
Опровергая – множишь мир ошибок.
Песок определяемого зыбок:
В трагедии живёт немало смеха.

А слово многозначием ранимо,
И уходящий день проходит мимо,
Оставив под луною тишину.

Лишь в музыке закатной отразится
Ушедшее и что должно случиться,
Вплетаясь в шелестящую волну.

* * *

«Нет нового под глупую луной», –
Прав Соломон. Да – всё перелицовка:
Пишу сонет по старой форме ловко,
А тень Шекспира пьёт вино со мной.

Опять игрою мысли и страстей
Смущаю ум. На Вечность нет претензий:
И красота блистательных гортензий
Пребудет в этом мире пару дней.

И даже пирамидам выйдет срок:
Любую мудрость время разматает.
Кто светотень без стога принимает –
Скорее и усвоит сей урок.

Что истина, а что – мечтаний сон?
Ответы, к счастью, знает только ОН.

Сонет

Вода и пламень... Музыка и крик...
Порочный возглас – час богослуженья...
Что позабыл – что в горечи постиг:
Изломом мысли – в кровь стихотворенья.

Слепой яснее, чётче видит суть,
Чем зрячий, что пленился оболочкой.
Глухой – в тиши вершит свой скорбный путь,
И потому он Вечность ищет в строчке.

Слепой, глухой – но к истине, скорей,
Намного ближе «рвущегося» слога:
Ущербность компенсируется Богом
Глубинным пониманием вещей.

Так, может, чтоб понять тебя, мой друг,
Ослепнуть и оглохнуть нужно вдруг?!

Зимний сонет

Дано ли чувствам умереть,
Или, скорей, переродиться?
А, может, – под золою тлеть,
Как тлеют в зимней стуже лица?

За снежной, белой пеленой,
И за февральскою тоскою,
Живёт весны морской прибой,
И пахнут нежностью левкой.

Но ты – в пределах января...
Снежки стихов своих катая,
Ещё остатками любя
Их, оживляешь, согревая.

Всему положен час и срок:
Весной оттает холод строк.

Светлане Груздевой

Мы все с протянутой рукой
Стоим на паперти душевной,
Проя пятак любви простой,
Скрывая дрожь улыбкой нервной.

Но только если можешь сам,
Презрев досужее стеснение,
Увидеть путь к чужим слезам,
Другому робкому стремлению,

Тебе воздастся добротой –
В открытом сердце много света:
Споёт струною золотой
В ответной нежности сонета.

Такой пятак – в цене судьбы,
В скрижалях жизненной борьбы.

* * *

Когда наступит завтра без меня –
Взойдёт заря. Всё будет, как и прежде:
И молодость подарит вздох надежде,
И старость улыбнётся, не кляня.

Хор птиц споёт – положено им петь,
И кто–то в слово вновь заложит чувство:
И будет жить в веках любви искусство!
Всё так же солнцу эту землю греть...

А близким мне идти своим путём.
Судьбою их дано мне возродиться:
Мечтаю лишь дождём на мир пролиться,
Когда охвачен будет он огнём.

Но только в строчке – тихой, как во сне,
Сумеет выжить память обо мне.

Галатя

А Галатя стала человеком...
Но этого, чудак, ты не заметил:
Молясь богам, всё видел след отметин,
И вдохновенно правил тело стеклой.

Прикосновенье жгло и убивало.
Она кричать пока не научилась,
Лишь своему создателю молилась,
В бессилье, защищаясь, остывала.

Вот так и мы, в романтиков играем.
На верность идеалам проверяя,
Убить способны собственное чувство.

Придуманным живое подменяем.
Любви негромкой дар не принимая,
Лишь путаем реальность и искусство.

Галатя 2

А Галатя стала человеком...
Ты не заметил этого, мечтатель.
Молясь богам, неистовый ваятель,
Всё правил вдохновенно тело стекой.

Как нестерпимо жгло прикосновенье!
Она ещё не знала силы крика.
Любила, как Орфея Эвридика,
И остывала: вся – благословенье.

Вот так и мы: забыли, что немое
Кричит глазами, сердца мукой ломкой,
И чувство обрекаем на фатальность,

Не видим за придуманным живое.
Отталкивая дар любви негромкой,
Лишь путаем искусство и реальность.

Анне Илларионовой

Нарисую тебя звучанием,
Словно красками – по живому.
Отвечаешь на дрожь касания
Как-то бережно – по-иному.

Вырастая из звучности, тайной
В сердца холоде поселилась,
И задумчивой розою чайной
Над туманами распустилась.

И, охапками звуков ваяя
Галатеи наряд воздушный,
Нежность музыкой воссоздавая,
Вдохновенья волне послушен.

А ты слушаешь, улыбаясь,
С Галатеей почти сливаясь.

Молчание

Томленье сердца отзовётся
Аккордом горького звучанья,
И легким эхом вознесётся
К небесной сини... Ожиданье

Так перемешано с тоскою:
Рассыпав жемчуг слов в волненье,
В глаза твои смотрю с мольбою:
Отдашь ли нежность на сожженье?!

Как приговор твоё молчанье:
Предав меня – предашь себя,
Судьбу отдав на поруганье
Свободы ради – но любя.

И одиночество закатов
Молчанью – честная расплата.

* * *

Разменивая Жизнь на мелочь дней,
Никчёмность целей топим в оправданье.
Но чем сильнее страсти, тем верней
Мы сердце отдаём на поруганье.

Столь редкий миг прозренья не спасёт:
Отдав коня – не плачут по подковам.
Победы мнимой сладок приворот,
На плаху отправляя лестным словом.

И лишь душа затравленно скулит,
Желая жалкой доли ослепленья.
В минуты одиночества кричит
Кровавой строчкой боли и сомненья.

Она нам и судья, и приговор,
И в небо дверь, что мы не зрим в упор.

Не покидай...

Не покидай меня, не покидай.
Всего на миг в дверях остановись.
Не обвиняй меня, не обвиняй –
И я хотел, чтоб все мечты сбылись.
Но в этот миг, вот в этот горький миг,
Когда судьба и жизнь напополам,
Всё что достиг, что в жизни я постиг,
За твой порыв навстречу мне отдам.
Вглядись в меня, взглядишь в мои глаза.
В них нет упрёка – только горький стон.
С твоих ресниц уже бежит слеза,
Шепча о том, что я тобой прощён.

И можно ли в безумье разорвать
Всё, что должно всю жизнь нас согреть?

* * *

Когда плеснут порой в костёр души
Рассудочности хладною водою –
Душа вопит молитвою немой,
И мысль насквозь сверлит её: «Реши!».

Реши, чего ты хочешь? Боли, слёз?
Отчаянных попыток совпадения?
Живя одной минутой вознесенья,
Позволить, чтобы холод в душу врос?

Иль оборвать натянутую нить?!
Удобрив прошлым, душу вновь засеять
И вновь взрастить любовь, и вновь поверить,
Что не одной минутой можно жить?

Ты сам себе садовник и палач.
Ну так реши – цветенье или плач?

* * *

Не говори мне о любви,
Нет плена слов ужасней доли:
И соловей молчит в неволе.
За даль мечтаний не зови.

Не обещавай блаженства миг:
Познавший яд его любовный –
Уже лишь пленник добровольный,
Служитель тягостных вериг.

Дышавший воздухом полей
Любви свободной возбужденье
Впитал – и горечь отрезвления
Была опасней и сильней.

Без слова лжи! Глаза и жест –
И покорится Эверест!

Сонет для Ирины

И. Фетисовой–Мюллерсон

Я знаю только вкус твоей печали,
Улыбки грустный томно-сладкий флёр.
Твою судьбу с поэзией венчали
И шалым ветром – песней дикой гор.

Открыто сердце – словно на ладони,
Исходит откровение слезой.
А ночь опять созвездия уронит
На чудо, сотворённое тобой.

И снова вижу образ Незнакомки:
В чертах твоих, ласкающих и тонких,
Вся сила женской прелести жива.

Судеб людских связующие нити
Рождают мир возвышенных наитий.
И я шепчу признания слова.

Любовь и ревность

Любовь и ревность – две сестры,
И обе мучат и терзают,
В душе безумья жгут костры,
То в грязь толкнут, то возвышают.

И коль любовь зажжётся вдруг,
То тут же ревность дышит смрадом.
У них так много глупых слуг...
Тандем порочный рая с адом.

Но если ты влюблён уже,
То примешь ревность как награду,
Как крест на жизненной меже,
Как яда горькую усладу...

Коль принял день – прими и ночь,
Или беги от чувства прочь.

Капли дождя
(японский сонет)

Капли дождя,
как половинки сердец,
льются слезами.

Нас не найдя,
снов одинокий ловец
вьётся кругами.

Только в назначенный час
с привкусом менты,
осень опутает нас
пёстрою лентой.

* * *

А память в отражениях хранит
Минуты и часы душевных взлётов,
Падений и опасных поворотов,
И голосов губительный магнит.

Лишь сердце зорко – прав Экзюпери.
А мы глазам свои вверяли чувства.
Лечить ожоги – трудное искусство:
Возьми беду и в новом раствори.

Не знавшим боль и радости пресны,
А пивший счастье знает вкус победы
Над нежным сердцем гордой привереды.
Как память сохранила бред весны!

Любовь входила в жизни сны не раз.
Но солнца свет губителен для глаз.

СНЕГ (акrostих)

С*нег... снег... снег... снег...

Н*очь новогодняя дышит надеждою.
О*кна расцвечены ёлочной радостью.
В*етер играет позёмкою снежною:
Б*ыбы..... завывает мелодией нежною.
М*ысли и души наполнены благостью.

Г*од уходящий растаял снежинкою,
О*блаком снов и дождём каждодневности.
Д*етство живёт в нас наивной картинкою...
О*тзвуком чуда послышалось в снежности:
М*ира!... Любви!... Пониманья и верности!...

Хелене Фисои

Коль песня, словно птица, из души
В мир рвется, окрылённая рассветом,
Рисуешь, взявши слов карандаши,
То, что звучит желанию ответом.

И образов ярчайшие тона
Слились в дивертисмент неповторимый.
Таинственности легкой пелена
Сплетается в рисунок, сердцем зримый.

А Суламита выйдет из тени,
Промолвит: «Боже, душу сохрани!»
И ОН ответит сладостным звучаньем!

Мятущееся сердце не гони.
Поэта свет – спасению сродни
Для мира, пораженного страданьем.

* * *

Себя спалив в огне стихов
До пепла выверенных строк,
Оставишь игры чувств и слов,
Пока опять не грянет срок
Гореть шальной душе в пылу.
Немую боль свою кляня,
Отдашься слову в кабалу –
И вновь пропляшет шквал огня.
И вновь метания придут.
Но смыслов поиски пусты:
Как рифмы безнадежно врут!
А как они порой верны!

Лишь утром видишь – прах и тлен!
И ты опять не встал с колен.

Я не судья

Я не судья. Я тоже раб страстей.
Порой, взывая к милости Всевышней,
Себе прошу не вечность – часик лишний
Любви... Она порой как змей...

Коль слаб на искушения – падёшь!
Что радостью должно быть – станет болью.
Раскаянье посыплет раны солью,
И гнев смешает истину и ложь.

Любовь пленяет всех своей мечтой.
Но есть и долг, и совесть над тобой:
Не дай мечте бедой оборотиться...

Жизнь не измерить только лишь длиной...
Ты в судьбах близких след оставишь свой.
Пусть станет Журавлём твоя Синица.

* * *

Адажио, пожалуйста, сыграй...
Пусть всё замрёт и вновь родится в звуке.
А жизнь давно течёт не по науке:
Ей всё нужнее клёкот птичьих стай.

Как в медленном, наскучившем кино,
Дай рассмотреть всё то, что ускользает
В небытие: как почка созревает,
И в хрустале заснувшее вино,

Улыбку, промелькнувшую в толпе,
Манящую безвыходность обрыва,
Застывший сноп безжалостного взрыва,
Морскую гладь, притихшую в тепле.

И тишина адажио опять
Научит на пиано боль принять....

* * *

Когда полвека за спиной –
Считай, что выпил полстакана.
Но ведь перо пока что рьяно,
А разум полнится игрой.

И шут их знает – полупуст,
Или наполнен вполовину?
И жизнь, порою, – образина:
Но сколько разных, ярких чувств.

Партер шипит? Какая скука:
По общепринятой науке
С удачей надо бы поздравить.

Но неприлично, между нами,
Как женщину, стакан с годами
До дна невыпитым оставить.

* * *

«Молчание – начало всех начал»...
Оно предвестник нового цветенья.
Так эхо ждёт в тиши холодных скал,
И прозвучит ответным откровеньем.

Так мать-земля, устав от всех трудов,
Зимою спит, укрыта снежной шубой.
Но по весне вернёт себе покров
Зелёный, одаряющий и любый.

И я молчу, коль вдруг скудеет слог,
А русло вдохновенья высыхает.
Но не кляню, не подвожу итог:
Душа, устав под гнётом, засыпает.

Цикличность – это форма бытия,
Как холод льда и жаркий пляс огня.

* * *

Увы, но всё давно предрешено:
Мы путники в едином направленьи.
А все желанья, поиски, стремленья
Запрятаны под времени сукно.

И миллион по тридцать, серебром
Гремит в ушах – где тут услышать Слово!
Мы оправдать любую ложь готовы,
Но топим в рюмке стыд и боль потом.

И всё ж – дано пока ещё любить:
Лишь тем и живы загнанные души.
Ещё надежды остров не разрушен,
Хоть и тонка связующая нить.

Ты – это Ты! И выбор – тоже твой:
Искать свой путь или идти с толпой.

Акростих

Н*овогодня бялая нчть
О*бнимала и радостный морок
В*ызывала... И был очень дорог
О*жидания миг...Превозмочь
Г*де-то в памяти бьющийся пульс,
О*тбивающий звонкие трели
Д*етской песни – наивной свирели,
Н*апевавшей про чудо, клянусь –
Я* не в силах... И снова несёт
Я*ркий ёлочный праздник вперёд.

Б*лагость пётся с тоской пополам.
Е*сли вслушаться – песня метели,
Л*яжет утром сугробами, ели
А*кварелью зальёт... Отшумели:
Я*сны, тихи, спокойны, как храм.

Н*евозможно в себе растолочь
О*тблеск прошлого, блики надежды,
Ч*то дарила феерией снежной
(Б*) Новогодняя бялая нчть.

Тетрадь вторая

*Венок сонетов
«Концерт для души
с оркестром»*

Магистрал

Как новая взрывается звезда,
Рожденья миг ворвался в ход событий.
Несут вперёд стремлений поезда
В духовный мир меняющих открытий.

Но скрипке одиночества души
Ответит стройный хор виолончелей.
А ты любви мгновением дыши
Под тихий гул органа стройных елей.

И каждый день – рождение и смерть
Больших и малых «истин на мгновенье».
Но криком изошлась земная твердь,
Ловя глухую поступь поколений.

А ты на небо свой направил взгляд:
Твой путь к НЕМУ – дороги нет назад.

Часть первая

1

Как новая взрывается звезда,
Раздался крик аккордами вступленья.
Благою вестью Божьего следа
Согрето новой жизни появленье.
Создатель, седовласый дирижёр,
Вдыхает жизнь – судьбы живое пламя.
Улыбчив мир, и властвует мажор.
А мамы радость капает слезами
На завязь вновь родившейся души,
Вплетающейся в музыку Творенья.
Кричи малыш! Ручонками маши!
Твой голос – символ жизни продолженья!

Открыта книга... Бег сюжетной нити...
Рожденья миг ворвался в ход событий.

2

Рожденья миг ворвался в ход событий.
Заполнил флейтой детский плач и смех –
Всё для двоих. Душевный час наитий,
А в нём любовь, тревога и успех.

Вся эта нежность песней колыбельной
Останется звучанием в тебе,
Весенним колокольчиком капельным,
Аккордом света в жизненной борьбе.

В ней первый шаг и лепет слова «мама»,
И первый зуб, что с муками пророс,
Твоя любовь к устройству тарарама,
И первый твой осмысленный вопрос.

А дни бегут, как вешняя вода.
Несут вперёд стремлений поезда...

3

Несут вперёд стремлений поезда...
Ты вышел в мир, опасный и прекрасный.
Навстречу чувствам ты не опоздал:
Увидел взгляд – наивный, чистый, властный.

Услышал скрипку – музыку души,
Такой незащищённой и ранимой.
Но зов гремел: «В полёт благослови!».
А жажда обновленья – нестерпима!

И через крик и радость юных дней,
Сквозь светлый час питающей надежды
Ты покидаешь звонкий мир детей
По зову труб, взорвавших дух мятежный.

Тугая дверь в хор шумных общежитий –
Дорога в мир меняющих открытий.

4

В духовный мир меняющих открытий
Несётся окрылённая душа,
Волною увлекательных событий,
Свободой чувств и выбора дыша.

Но с чувством первым, с трепетом наива,
Впервые боль измены узнаёшь:
В звучании строкой речитатива
Сомненьем промелькнула «нота-ложь».

Однако новый день залечит рану:
Ещё легко дарить и обретать.
И новой встречей будет сердце пьяно.
Но час придёт – и должен ты сыграть

Мелодию, что шепчут камыши,
На скрипке одиночества души.

Часть вторая. Ноктюрн

5

На скрипке одиночества души
Страданьем, как смычком, до нервной дрожи,
Минуты неприкаянности множа,
Играет ночь. А стрелка путь вершит.

Как цепко память держит образ той,
Что стала вдруг единственным желаньем,
И словом откровенного признанья,
Сверкая обрётённую мечтой.

Но замер звук... И пауза висит...
Оркестр ждёт отмашки Дирижёра:
По нотам, словно чёткость приговора,
Расписано движение планид.

Лишь стону завывающей метели
Ответит стройный хор виолончелей.

6

Сыграет стройный хор виолончелей
Стаккато – отраженье прежних грёз.
Ты шёл вперёд, на гром весенних гроз:
Не избежал ни омутов, ни мелей.

Звон трелей птиц, тепло лучей светила,
И новый день, и новые мечты,
Рисуя радуг гибкие мосты,
Вторым дыханьем чувства окропили.

Теперь ты снова – музыка Творенья:
Сокрытых модуляций ищешь ход.
Но поисков ещё не ясен плод –
Лишь редкие минуты озаренья.

И только жизнь на мелочь не кроши.
Простой любви мгновением дыши.

7

Простой любви мгновением дыши,
Игрой неповторимого познания:
Порой минута в зале ожидания,
Как ты напиться страстью не спеши,
Важней того, что встреча принесёт.
В минуте той – надежда на спасенье,
Невольный страх увидеть искаженье
И к новому возможный поворот.
Злословие – оскал кривых зеркал,
Сверкая столь обманчиво и ярко,
Ожогом оставляет вензель маркий...
Но ты мечты своей не предавал.

Омоют сердце вешние капли
Под тихий гул органа стройных елей.

8

Тревожный гул органа стройных елей...
Вздохнула арфа, как неясный зов.
Проснулся мир молчавших голосов
Особой краской чувственной постели.

Порыв пришёл к моменту осмысленья:
Уже живёт желание творить.
Ты понимаешь: истинно любить –
Способность отдавать без сожаленья.

В своём полифоническом звучанье
Скрытых смыслов музыка полна:
Минора больше выплеснет волна,
Но глубже и спокойнее дыханье.

Вдруг прогремит среди истин звоном медь,
Что каждый день – рождение и смерть.

Часть третья

9

И каждый день – рождение и смерть.
В закрученной спирали повторенья
Дано творить судьбу свою.
И сметь!
Упасть и встать!
Узреть предел терпенья!

«Путём страданий – к мудрости придёшь»...
Как просто...
И как сложно в воплощенье:
Жестоко, по живому режет нож
Нелёгкого, но нужного решенья.

Но скрипка одинокая твоя
Не криком, а ноктюрном отзовется,
В гармонии страданье затая,
На самом дне поющего колодца.

А мир гремит!
И рвётся в глотках рвенье
Больших и малых «истин на мгновенье».

10

Больших и малых «истин на мгновенье»
Сокрыты лики в будничности дней.
Кто ищет их, кто полон к ним презренья:
Один – но разный жёсткий мир людей.

Ущербно избирательное зреньё:
Закрыв глаза – ясней увидишь суть.
Напору и незрелости мышленья
Холодный разум трудно обмануть.

Но мудрость – не слепая панацея.
Как часто сердце с разумом в борьбе:
Когда в бессилье подлость лицезрея,
Отвергнешь то, что дорого тебе.

Всё ярче и сильней в оркестре медь.
И криком изошла земная твердь.

11

И криком изошла земная твердь:
Пожары войн, стяжательство, наветы
И холод лжи стегают, словно плеть...
Всё глуше, глуше истины Завета.

И фальшь, ломая музыку, свербит,
Карябая гармонию Творенья.
Твоё же сердце с Богом говорит,
Ища ответ в минуте вдохновенья.

Ты, как глотка живительной воды,
Спасенья ищешь в мудрости пророков,
В сегодняшнем увидев их черты,
Над пропастью, у самой кромки срока.

Застыла мысль в гримасе отторженья,
Ловя глухую поступь поколенья.

12

Ловя глухую поступь поколенья,
Ты слышишь гимн бравады площадной:
Над совестью и разумом глумленье.
Но над твоей седеющей душой
Не властно время тёмного заката:
Ты ищешь то, в чём Вечности печать.
Вновь разольётся лунная Геката,
И скрипке вновь любовью прозвучать.
На струнах пропоёт последней страстью:
Негромкой, завершающей главой.
Так греет нас камин в часы ненастья:
Одна из истин, понятых тобой.

В прозрачной грусти тих осенний сад,
А ты на небо свой направил взгляд.

Кода

13

А ты на небо свой направил взгляд,
Узрев в его глубинах откровенья
Земных судеб душевные сплетенья,
И тень суда последнего у Врат.

В твоей душе уже поёт хорал,
Молитвой пережитой в каждом слове,
Любовью, что всегда была в основе
Того, что неосознанно искал.

На перекрестьях жизненных дорог
Остался след: и радость и мученья,
Полёта миг и горькие сомненья,
Всё то, что смог, и что, увы, не смог.

Оркестр тих, как шелест в листопад.
Твой путь к НЕМУ – дороги нет назад.

14

Твой путь к НЕМУ – дороги нет назад.
Уже готов к седому декабрю,
Над головой шумит осенний сад.
И каждый лист твердит: «Благодарю»...

Благодарю за призрачный рассвет,
За тихий стон под ласкою руки,
За ярость поражений и побед,
Необратимость жизненной реки.

И за любовь, что в музыке живёт,
Как светотень, – мерцающей мечтой.
За всё, что ветром время унесёт...

Лишь за далёкой Вечности чертой
Осмыслишь цели Божьего труда.
И новая взрывается звезда!!

Тетрадь третья

*Секстет
сонетов*

Когда твоя судьба несётся вдаль
На юной возносящейся волне,
Секундой той надышишься вполне,
Лихой душе прошедшего не жаль.

Стремясь быстрее жизни вкус узнать,
И выскочив порою с виража,
Другими и собой не дорожа,
Поверишь сам, что создан ты летать.

Увы, полёт падением чреват.
И пусть победа в тысячи карат
Сверкает соблазнительной мечтой,

Коль рядом разобьётся друг и брат
Поймёшь тогда – ты тоже виноват,
А жизнь – лишь спор с изменчивой судьбой.

А жизнь – лишь спор с изменчивой судьбой,
Когда, устав метаться и искать,
Ты падаешь в любовь, как в благодать,
Разлитую меж Нею и Тобой.

Забудешься, вращая всем нутром,
Той нежностью и лаской упоён,
От прошлого на время отстранён,
Все беды оставляя на потом.

И рок пока бессилен – ты герой!
Все дни текут наполненной рекой,
В глаза глазами, ветку теребя...

В порыв душевный втиснут мир большой.
И только мысль витает над тобой:
«Да что мне в этой жизни без тебя..»

Да что мне в этой жизни без тебя.
Улыбок, губ и запаха волос.
Я жизнь свою, уставший, но любя,
К твоим ногам, как тяжкий груз принёс.

И что, скажи, безумный этот мир
Двоим в ночи – нам грезится без снов.
Друг другу мы и совесть и кумир,
Полёт и грех, и сладкий морок слов.

Торопится бегущей ночи час.
Копна волос притихла на плече.
Огонь свечи в твоих глазах погас.
Растает ночь, подобно той свече.

Слезой свечи любовь освящена,
Что нам как искупление дана.

Что нам во искупление дана
Способность к милосердию и боли,
Свобода благодарности и воли,
Поймёт лишь тот, кто выстрадал сполна.

И каждый день, как чистый лист судьбы,
Искомая возможность поворота,
Подспудная душевная работа –
Слова тобою прожитой мольбы.

Когда поймёшь значенье слова «смерть»,
Природы мудрой примешь круговерть,
Себя отдашь спокойно Высшей воле.

Пока под нами дышит эта твердь,
Задай вопрос – и сам себе ответь:
Чем ты засеял жизни этой поле?

Чем ты засеял жизни этой поле?
Сочувствием болел и состраданьем?
Прошедшее измерил покаяньем?
Иль гордо восседаешь на престоле?

Предел всему отпущен... Но увы:
Так часто с высоты не видно сути.
И в будничной, цветасто-серой мути
Добра и зла в одном растут цветы.

Забыт полёт, и просто отстранясь,
Палитрою раскрашиваешь грязь...
Но час придёт, расплата неизбежна!

Не каждый возомнивший – духом князь.
И, только в беды мира опустясь,
Узнаешь, что и боль бывает нежной.

Узнаешь, что и боль бывает нежной,
Когда дойдёшь до возраста потерь,
Когда беда в твою стучится дверь,
И сердце замедляет вьюгой снежной.

Ты к небу обратишь своё лицо.
ЕГО попросишь тихо утешенья,
ЕГО благословенного прощенья,
И тут замкнётся жизни всей кольцо.

Мы в мир приходим запертым ларцом,
Кто гением взойдёт, кто подлецом:
В итоге жизни – высшая мораль.

Нам всем держать ответ перед Творцом.
Но кто же хочет думать о таком,
Когда твоя судьба несётся вдаль.

Тетрадь четвёртая

*В р е д н ы е
с о н е т ы*

(Почти по Остеру)

* * *

Сонет готов, а мысли давят.
Фортуна криво ухмыляется:
Пиши, мол, чёрточка останется
Меж дат на камне, что поставят.

Когда ты глупо «двинешь кони»,
Навоевавшись Славы ради:
Всё отойдёт могильной пяди...
И эта истина не внове.

Фортуна ветрена и лжива:
То исчезает, то появится,
То мелкой завистью подавится,
То славой немощно-крикливой...

Не лучше ль душу сохранить –
Писать, любить и водку пить?!

* * *

То вам сказки подавай,
То вам песни исполняй...
Оплатите гонорарчик,
А не то устрою хай!

«Лукоморный рифмоплёт»
Лишь шедевры выдаёт.
Критик может удавиться –
Неподсуден этот кот.

Только кошка, вашу мать,
Может парня прессовать:
Как жена его и муза –
Гонорары отбирать.

На златой – да на цепи,
Одинок в судьбе-степи.

* * *

Я за любовь хочу сказать:
За что ещё нам пить?!
Пусть – вечно музыке играть,
Пусть – чувству вечно жить!

Пусть обольщают нас глаза,
Хоть знаем – подведут:
Какие, к чёрту, тормоза,
Когда в постель зовут!

Пушкой и осень за окном,
Но в душах в цветь любовь.
Давно уж верность стала сном,
И нас обманут вновь.

В любви положено страдать
И те страданья воспевать.

* * *

Любовь мужчины к Женщине дана
Лишь потому, что женщина она...
А ищущий причины – нет, не любит,
Самокопаньем только всё погубит.

Ведь женщина столь разное созданье –
Не терпит примитива в пониманье.
Кому – любовь, кому змеёй бывает:
Как зеркало мужчину отражает.

Кто женщину поймёт – привет психушке:
Держите, братцы, ушки на макушке.
Пусть мы рабы, но рабство обоюдно:
И им без нас бывает очень трудно.

Мораль проста: Адам без Евы пуст,
Хотя и слышен нервов громкий хруст.

* * *

Наверно, тяжело им жилось бы в мире
Родись сейчас Ромео и Джульетта.
В цене, увы, машины, а не лиры...
Нет у истории счастливого билета.

И в нашем измеренье нет причала
Любви, незамутнённой озлобленье:
Любовь в сердцах берёт своё начало,
И гибнет, повстречав сопротивление.

Но как мечта, они живут среди нас:
И тенью в первой встрече или взгляде
Их свет и в нашем веке не погас
В записке школьной, девичьей тетради...

Ромео и Джульетта вечны в мире.
Не важно – во дворце или в квартире.

Ответ Свете Шиманской

Ах, Света, Света! Нам ли быть в печали...
Вокруг кипит планета дураков.
Но мы своей души не продавали
Ни за блага, ни за понюшку слов.

Проблемы не решить? Так и не надо!
Нам недоступен сказочный Сезам:
Одну решишь – других подгонят стадо:
Не переспорить жизнь-подлюку нам!

Но есть у жизни и другой аспект:
Полёт души, любовь, бокал вина,
Поэзии мечтательный проспект...
И поводов для смеха – до хр...а.

Коль жизнь не разменял на пятаки,
То, значит, с Бога кормишься руки.

Тетрадь пятая

Сонетные диалоги

Часть первая. Отражения

* * *

...возможно ли всё заново начать,
когда больна душа и волком воет?..

Анастасия Воскресенская

Конечно, можно! В мир приняв шальной,
Вручают нам не зря способность к боли.
А к ней лекарство – мужество и воля:
Рок – миф! Поверь – ты властен над собой!

Когда судьба закроет дверь одну,
То тут же открывает сотню новых:
И только груз растерянностей скорых,
Безволие уносит нас ко дну.

Но дышит обновленье в этот час:
Когда устал, и всё лишилось красок,
И стон несёт паденье прежних масок –
Родится в корчах будущего глас.

Войди в другую дверь – и вновь живи!
И прошлых чувств не мучай... не зови.

* * *

Болтают, что беспечный скоморох
на ярмарке смеялся над толпою.

Яков Соловейчик

Всё для толпы – и шутки, и слова –
рассыплет шут...
Но ночь придёт,
И снова
от горьких мыслей пухнет голова,
а душу распинаят чьё-то Слово...

И этот слитый с мёдом жизни яд
течёт по венам, разум иссушая:
она прекрасна – истина нагая,
но сшила жизнь ужасный ей наряд.

Театр обезумевших теней:
эпоха одноразовой посуды...
мадонна с ликом уличной паскуды...
пророков рать с повадками зверей.

И что кричать, коль бабочка мертва?
Бесмысленны красивые слова.

Екклесиаст

Но знание – не меньшее мученье...

Яков Соловейчик

Во многой мудрости много печали;
и кто умножает познания, умножает скорбь.

Библия, Ветхий Завет, «Книга Екклесиаста»

Преумножаешь мудростью печаль,
Познаьем добавляя сердцу скорби...
Быть может, потому и мир уродлив,
Что нам себя поранить очень жаль?..

Миоль

Преумножая мудростью печаль
Ты только познаёшь основы мира:
Когда твоя издёрганная лира
Уже плюёт на платную мораль

Тупик в конце – не худшее из зол.
Пусть дама пик смеётся до икоты,
Но если мысль лишилась позолоты –
Она честна, как вбитый в сердце кол.

Бутыль «Bordeaux» любовь в себе хранит,
Но если нужно – ненависть гранит:
Вот мудрость чудаков от оптимизма.

Любил вино и женщин Соломон,
И потому – над силой был Закон:
Иная мысль сильнее катаклизма.

Метаморфозы

Бессмертие осеннего листа
Внушает мне и зависть, и надежду.

Яков Соловейчик

Ещё нам откровение осталось –
Последний снег, в предзимье – листопад...

Миоль

Природа – это цепь метаморфоз,
В которой жизнь – разменная монета:
Как в жёстких рамках этого сонета
Не отразить ни радости, ни слёз,

Ни ярости, ни давнюю усталость
Опавшего осеннего листа
(Взросленья диалектика проста,
И как всегда: в остатке – только малость) –

Так будут вечны солнце и восход,
Стремящийся к багровому закату,
Предшественнику таинства Гекаты,
Что поит вдохновением из вод,

В которых лишь – и смысл бытия.
А час пробьёт – уйдём, благодаря.

Песенка шута

Искусство врачеванья таково,
что в нем без волшебства не одурачить,
всё – fictia, что на латыни значит
лишь вымысел. И больше ничего.

Яков Соловейчик

Колпак, корона, кепка иль венец
Терновый приготовленный судьбою:
Мы, всё одно – упьёмся той игрою,
Что счастьем назовёт иной мудрец,
Другой наименует невезеньем,
Кляня злосчастный рок и суету.

Лишь тот, кто ловит ветер на лету,
И научился чувствовать паренье,
В котором слышит шёпот высших сфер,
И видит неземное в серой пыли,
В ком чувственные токи не остыли,
И кто не знает скуки полумер –
Достоин вдохновения волны,
В которой судьбы все отражены.

Скепсис

Там холодно – на то она и тьма.
Неведение сведет тебя с ума,
Толкнет в костер безумья и забвенья.

Лишь знание тебе подарит свет,
Пути другого не было, и нет,
Но знание – не меньшее мученье.

Яков Соловейчик

Но как же зыбко знание в основе!
И новый день – скучающий судья –
В дремотной неге дело проведя
Насмешливо–сердит в последнем слове:

«Пока в богах языческая сущность,
Мол, каждый видит в вещи свой резон,
И молча зрящий – только и умён,
А мышленье – забавная ненужность».

Что тьма и свет? Лишь грани на монете,
Которой платим истине в ответе
За дерзость необузданной мечты.

Избыточна игра воображенья,
Но дело портят страхи и сомненья,
Внося в покой приметы суеты.

Фаталисту

Проходит жизнь мучительно, но быстро...
Ну, как тут не назваться «фаталистом»?

Яков Соловейчик

А может фаталист – не так уж плохо:
В познании фиаско потерпев
Бессилие признает даже лев
Сопроводив тщету пустую вздохом.

Рождению синоним – только смерть*
Поскольку только факт перерожденья
Имеет чёткий вектор продолженья
Всего, что в жизни краткой не успеть.

Неоспоримость истины приняв,
Но, кое-что по-своему поняв
Так можно намудрить, что просто диво.

Беспечный ветер времени сметёт**
И «вечное», и твой словесный плот.
Так может лучше – отдых на Мальдивах?

* Строчка Якова Соловейчика.

** «Беспечен ветер в вечной книге жизни
мог и не той страницей шевельнуть».
Омар Хайям

Часть вторая. Отзвуки

* * *

Один на сотню (правда, величин)
В ком отзовется строчка шутовская:
А что ты ждал? Комедию играя,
Засунув звонкий смех в карман один,

В другом таскаешь грусть всегда с собою.
И кто бы знал – да что он, тот успех?
Уж точно не поклоны гнуть для всех
Под рампой, издеваясь над толпою.

А может быть, несчастный Арлекин,
Ты счастьем и спокойствием гоним
Лишь потому, что ищешь беспокойство?

Актёр и зритель – всё в одном лице,
Но в облетевшем лавровом венце:
Ещё одно природы мудрой свойство.

Отзвук Якова Соловейчика

– Недуг столетий превозмочь нельзя,
и мы с тобой совсем не Эскулапы.
Толпа – лишь чернь.
Над ней стоят сатрапы –
им в Дантов Ад проторена стезя!

Ты думаешь, отвратен мне успех?
А я бегу во тьму, от света рампы.
Мне пели многократно дифирамбы,
за вызванный в толпе дурацкий смех.

Известен мне заранее сюжет,
всех будущих комедий и трагедий.
О таинствах сужу я по творцам!

Ни дам достойных нет. Да и мужей
в партере меньше, чем в кармане меди.
Осталось лишь – прислуживать скопцам...

(Уходит)

Уходящему Скомороху
Отзвук Миоль (Ольга Мищенко)

Прислуживать скопцам?.. Завидна роль...
Воздвигать бездарность – эко диво!
Мелькнула тень... Уходит горделиво,
А в сердце, как в суме, уносит боль,
Которую не разделить ни с кем...

Нет, Скоморох, себя не одурачишь!

Болтали, будто ты украдкой плачешь
Под грузом необузданных проблем...

Сюжет не новый, да оттенков – тьма...
Иначе, кто играл бы эту пьесу,
Известную ремаркой каждой, друг?

Печали не лишили бы ума...

Любви во славу отыграют мессу
Сто тысяч встреч акцентами разлук.

Часть третья. Диалог с Яковом Соловейчиком

Якову Соловейчику

И вот, я в поэтическом лесу,
Иду, о корни смыслов спотыкаясь,
Как будто тяжкий груз с собой несущу,
Юродствую, кощунствую и каюсь.

Скребу пергамент собственной души,
Эвтерпа, в унисон со мной дыши!

Яков Соловейчик

Давай вести серьёзный разговор...
Да, в наших джунглях многое пугает,
Порой смешит, но горечь нагоняет,
Что корни смыслов тут не зрят в упор.

Как в жизни: на поверхности – игра.
И в той игре – ни толку, ни порядка:
Картина нигилизма и упадка.
И, вроде – бросить всё уже пора.

По сути жизнь – бессрочный диалог:
С безумной хаотичностью прозрений,
И лепетом незрелых откровений.
А слушатель – сокрытый глазу Бог.

В любом стихе – молитвенная суть,
Хоть разум тщится сердце обмануть.

Ответ Якова Соловейчика

Когда человек разговаривает с Богом,
это называется молитвой. Когда Бог с
человеком – шизофренией.

Ганс Сас – немецкий психиатр

«В любом стихе молитвенная суть»,*
Не просьба, но попытка диалога,
Ты в поисках невидимого Бога,
Пытаешься узреть свой тайный путь.

Наш мир духовный – «тихий» океан,
А разум – поисковая система,
Где путь из Гээнома до Эдема?***
И, как сбежать из стада обезьян?

Игра в слова – прекрасная игра,
Поклоннику бумаги и пера,
Удачная строка – всегда отрада.

Но, с Богом затевая разговор,
Узнать рискуешь строгий приговор...
Покоя мне достаточно в награду.

* строка Льва Абрамова

** Гээном (иврит) – Ад,

Эдем (Эден – иврит) – Рай

Продолжение сонетного диалога
с Яковом Соловейчиком

«Покоя мне достаточно в награду»*
Но суть покоя – только тишина,
В которой неприкаянность видна.
Зачем цвести раскидистому саду,

Коль он не знает рокот жёсткой бури,
И некому под солнцем тень дарить,
И некого цветеньем удивить,
И не мелькают в чаще станы гурий.

Ответа нам, увы, не избежать...
Пусть слов игра – ну что же тут скрывать –
Порою увлекательное дело,

Всё мыслим и творим... И тем живём.
А был ли смысл – узнаем лишь потом,
Когда душа оставит это тело...

*Строчка Якова Соловейчика

Резюме Я. Соловейчика

Нет смысла в нашей жизни без мечты,
Без гурий же – ни смысла, ни улады,
Покоя не достаточно в награду,
К нему добавьте женской красоты.

Чтоб полон был гармонией сюжет:
Цветы, закат, корзину свежих фруктов,
Бокал вина, уроки «Камасутры»,
А в зеркале – философа портрет.

Гнетет усталость утренней порой,
И телу нужен отдых и покой,
Но, к вечеру, душа желает бури!

Ответ держать придется за «труды»,
Но время есть вкусить еще плоды,
И станом насладится стройных гурий.

СОДЕРЖАНИЕ

Тетрадь первая. Сборник сонетов

«Записано в небесной Книге Судеб...»	4
«Нет нового под глупую луну»	5
Сонет	6
Зимний сонет	7
Светлане Груздевой	8
«Когда наступит завтра без меня...»	9
Галатей	10
Галатей 2	11
Галатей. Анне Илларионовой	10
Молчание	11
«Разменивая Жизнь на мелочь дней...»	12
Не покидай...	13
«Когда плеснут порой в костёр души...»	14
«Не говори мне о любви...»	15
Сонет для Ирины	16
Любовь и ревность...	17
Капли дождя.....	18
«А память в отражениях хранит...»	19
СНЕГ (акrostих)	20
Хелене Фисои	21
«Да что мне в этой жизни без тебя?...»	22
«Себя спалив в огне стихов...»	23
Я не судья	24
«Адажио, пожалуйста, сыграй...»	25
«Когда полвека за спиной...»	26
«Молчание – начало всех начал...»	27
«Увы, но всё давно предрешено...»	28
Акrostих	29

Тетрадь вторая. Венок сонетов «Концерт для души с оркестром»

Магистрал	30
Часть первая	31
Часть вторая. Ноктюрн	32

Часть третья	42
Кода	43
Тетрадь третья. Секстет сонетов	
«Когда твоя судьба несётся вдаль...»	44
«А жизнь – лишь спор с изменчивой судьбой...»	45
«Да что мне в этой жизни без Тебя...»	75
«Что нам во искупление дана...»	57
«Чем ты засеял жизни этой поле? ...»	47
«Узнаешь, что и боль бывает нежной...»	75
Тетрадь четвёртая. Вредные советы (Почти по Остеру)	
«Сонет готов, а мысли давят...»	49
«То вам сказки подавай...»	57
«Я за любовь хочу сказать...»	55
«Любовь мужчины к Женщине дана...»	50
«Наверно, тяжело им жилось бы в мире...»	77
Ответ Свете Шиманской	77
Тетрадь пятая. Сонетные диалоги	
Часть первая. Отражения	
«Конечно, можно! В мир приняв шальной...» ...	53
«Всё для толпы – и шутки, и слова...»	54
Екклесиаст	55
Метаморфозы	56
Песенка шута	56
Скепсис	57
Фаталисту	58
Часть вторая. Отзвуки	
«Один на сотню (правда, величин)»	60
Отзвук Якова Соловейчика	61
Уходящему Скомороху. Отзвук Миоль	62
Часть третья. Диалог с Яковом Соловейчиком	63
	64
	65
	66

Лев Абрамов

Сонетные тетради

Компьютерный набор: Лев Абрамов

Редактор и корректор: Маргарита Козакова

Вёрстка и художественное оформление: Шауль Симан-Тов

Сборник подготовлен к изданию и выпущен
Центром сохранения и развития национальных традиций,
самобытности языка, культурного и исторического
наследия горских евреев «Sholumi»
при поддержке
президента Международного Фонда «СТМЭГИ»
д-ра Германа Рашбиловича Захарьева

Подписано к печати: 31.10.2014

Формат: 60 x 90 1/16

Гарнитура: Times

Усл. печ. листов: 16,6

Отпечатанно в Хайфе (Израиль)

www.sholumi.com – sholumi@gmail.com

© «Sholumi» 2015, Israel